

Социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе

Елена Николаевна Давыборец
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, westlake@yandex.ru
Артём Владимирович Шкотов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, shkotov.av@students.dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию социокультурного аспекта политической коррупции в Японии на современном этапе. Политическая коррупция представлена как устойчивое социокультурное явление, которое установилось в Японии в результате многовековых социальных практик, берущих свое начало с VII в. н. э., когда были зафиксированы первые антикоррупционные законы. Работы последних лет, которые рассматривают сохранение политической коррупции преимущественно как недостаток антикоррупционных реформ, упускают из внимания преемственность традиционных взглядов японского общества на общественные институты, в котором коррупция остается нормой. В данной статье авторы дополняют бюрократический подход социокультурным срезом проблематики.

Ключевые слова: политическая коррупция, Япония, политическая культура, японское общество, железный треугольник, политическая философия, история Японии

Для цитирования: Давыборец Е. Н., Шкотов А. В. Социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 149–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

The socio-cultural aspect of political corruption in Japan nowadays

Elena N. Davyborets
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, westlake@yandex.ru
Artyom V. Shkotov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, shkotov.av@students.dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-cultural aspect of political corruption in Japan at the present stage. Political corruption is presented as a stable socio-cultural phenomenon that has been established in Japan as a result of centuries-old social practices dating back to the VII century AD, when the first anti-corruption laws were recorded. Recent works, which consider the persistence of political corruption mainly as a lack of anti-corruption reforms, overlook the continuity of traditional views of Japanese society on public institutions, in which corruption remains the norm. In this article, the authors complement the bureaucratic approach with a socio-cultural cross-section of the problem.

Key words: political corruption, Japan, political culture, Japanese society, iron triangle, political philosophy, history of Japan

For citation: Davyborets E. N., Shkotov A. V. The socio-cultural aspect of political corruption in Japan nowadays // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 149–158. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/149-158>

Введение

Научная проблема, рассматриваемая в данной статье, затрагивает понимание и анализ сложной взаимосвязи между социокультурными факторами и распространенностью политической коррупции в современной Японии. *Объект исследования* – политическая коррупция в Японии. *Предмет* – социокультурный аспект политической коррупции в Японии на современном этапе. *Целью* данного исследования является изучение того, как различные социокультурные элементы, такие как исторические традиции, социальные нормы и межличностные отношения, способствуют сохранению коррупции в политическом "ландшафте" Японии. Изучая данную динамику, исследование призвано дать представление о многогранной природе политической коррупции в Японии и предложить потенциальные стратегии для борьбы с ней и ее предотвращения в современных реалиях.

В результате рассмотрения как отечественных, так и зарубежных исследований, связанных с политической коррупцией в Японии, обращает на себя внимание то, что *степень изученности проблемы* достаточно низка. Представленные в обзоре литературы работы затрагивают те или иные аспекты изучаемого явления.

Одной из фундаментальных работ по социокультурному аспекту политической коррупции в западной политологии является работа Рейсмана В. М., в

которой он рассматривает политическую коррупцию как социальное явление с устойчивыми механизмами воспроизводства, что позволяет утверждать ее институализированный характер в каком-либо государстве [2]. Данная теория коррелирует с представлениями Муробоси Тэцуро 室伏哲郎 (1930–2009) о политической коррупции в Японии, выраженными в его теории о "структурной коррупции" (яп. 構造汚職 *ко:дзо: осёкү*) [12]. Подобное совпадение взглядов позволяет синтезировать представления о социальном аспекте политической коррупции с учетом японских реалий.

На примере последних работ по политической коррупции в Японии мы обнаружили, что многие исследователи при рассмотрении проблемы предпочитают применять бюрократический срез [5; 6]. Такой подход не даёт ответов на многие вопросы. Например, почему сохраняется политическая коррупция в Японии вопреки низкому индексу коррупции в стране [8; 12].

Важным для данного исследования являются работы о социокультурных причинах политической коррупции Японии [10; 11]. Ряд российских исследователей-японистов [1; 3], посвятили свои работы японским алгоритмам адаптации зарубежных достижений (в том числе и в области внутренней политики) и механизмам защиты этнопсихологических детерминант японцев, которые не позволяют реформам развиваться и быть более прогрессивными. Выводы в монографиях российских японистов позволяют экстраполировать, что подобный поверхностный характер реформ, обусловленный этнопсихологическими причинами, может затрагивать и такой темпоральный социокультурный феномен в Японии, как политическая коррупция, который существует и сегодня, несмотря на антикоррупционные реформы и низкий индекс коррупции в стране.

Однако проблема лежит и в столкновении западной и восточной политической философии, которые безуспешно пытаются определить такую сложную категорию, как "политическая коррупция", и какой оттенок она несет [4; 13]. К сожалению, подобный конфликт двух политико-философских и морально-этических систем остается не разрешен, поскольку в силу внутренних противоречий ни одна из систем не предлагает ясных ответов на вопросы о толковании и характере политической коррупции. Вследствие этого, антикоррупционные реформы в Японии могут показаться неэффективными, и суть проблемы политической коррупции в стране иногда ускользает как от японских законодателей, так и от некоторых исследователей данного феномена.

Контекст проблемы политической коррупции в Японии

В свете обнародования в 2022 г. последних на момент написания статьи коррупционных скандалов (в частности, связь ЛДП с Церковью объединения и назначение сына действующего премьер-министра Фумио Кисиды на должность секретаря по "политическим делам") [13; 14] можно констатировать факт того, что сегодня политическая коррупция в Японии сохраняется. Она имеет глубокие корни в японском обществе (примерно с VII в. н.э., когда были зафиксированы первые антикоррупционные законы). Границы между взяточничеством/непотизмом и давней традицией патрон-клиентских отношений крайне размыты. Данная особенность японского общества зачастую упускается из внимания современных исследователей коррупции в Японии, поскольку те апеллируют исключительно к недостаткам японской бюрократии [5, p. 162–164]. Однако в силу применения узкого подхода не удастся найти ответ на парадоксальный вопрос: как в такой стране с низким индексом коррупции, как Япония, сохраняются прочные механизмы её воспроизводства? Можно попытаться ответить на этот и другие сопутствующие вопросы, которые могут возникнуть в рамках исследования поставленной темы, если попробовать подойти к проблеме политической коррупции в Японии с точки зрения ее социокультурных причин.

Эволюция политической коррупции в Японии

Политическая коррупция в Японии имеет давнюю историю, однако в рамках статьи предлагаем выделить лишь общие положения её исторического развития. С древности (538–710 гг.) в Японии издавались антикоррупционные законы: они не только сохранялись в последующих политических режимах, но и улучшались. Особенно показателен в этом отношении Императорский рес-

крипт об образовании 1890 г., направленный на индоктринацию школьников и студентам идей модернизации Мэйдзи (1868–1912 гг.), среди которых была и преемственность антикоррупционных тенденций предыдущих эпох.

В силу коллективного характера японского общества антикоррупционные законы так или иначе соблюдались, причем у общества вызывало негодование не сам факт наличия коррупции в стране, а отсутствие принесений публичных извинений конкретного человека, совершившего коррупционное преступление против общественных институтов или, можно сказать, "общины". Поэтому "общинная" этика компенсировала отсутствие применение тяжелых мер наказаний в отношении преступников (за редким исключением в эпоху Эдо (1603–1868 гг.), когда иногда применялась смертная казнь).

В эпоху Мэйдзи и Тайсё (1912–1926 гг.) общенародным указам бросала вызов политическая элита, явно выделялись *ханбацу* (олигархи). Элита понимала, что, во-первых, политическая роль императора исторически была символической (начиная с середины периода Хэйан (794–1185 гг.)). Во-вторых, риск роста влияния появляющихся в конце XIX–начале XX вв. политических партий был довольно ощутим. Элита стремилась подкупить страдающих от нехватки денег политиков и чиновников. Поэтому в большей степени основная причина многих скандалов и в последующие эпохи является острая потребность политиков в финансировании со стороны олигархов предвыборных кампаний и поддержания работы политических партий [8, p. 169].

Бедность как традиционный фактор участия чиновников и политиков в коррупционных действиях прослеживается и в предыдущих эпохах (Эдо, Хэйан и др.). Несмотря на то, что с эпохи Хэйан в Японии коррупция считалась противоправным деянием, так как государство объявило его незаконным и клеймило аморальным преступлением. Тем не менее коррупция все же процветала и стала образом жизни. Вопрос, на который еще предстоит исследователям ответить, состоит в том, были ли чиновники неспособны понимать законы государства или же они являлись невосприимчивыми к моральному осуждению и этическим стандартам. Многие госслужащие того времени смирились со своими незаконными действиями, рассматривая взятки как часть своей обычной зарплаты или как "подарки". Вот почему на фоне доминирования конфуцианской догмы, осуждавшей коррупцию эксплицитно, с эпохи Хэйан начинает закрепляться практика дарение "подарков" со стороны влиятельных людей как имплицитное проявление различных форм коррупции (взятничество, непотизм, кинетизм и др.), масштабы которого охватывали весь архипелаг.

Вероятно, именно повсеместное распространение конфуцианства в Японии повлияло на то, что слово "коррупция" (汚職 *осёку*) записывается иероглифами "загрязнять" (汚 *кэгацу*) и "место работы" (職 *сёку*), тем самым подчеркивается предосудительное отношение к данному явлению в политической культуре страны. Таким образом, с древности устанавливается двойственная ситуация: коррупция в стране есть, и она осуждается и законом, и даже иероглифически, однако те же своего рода законодательные и лингвистические ритуалы дают алиби для тех, кто обращался к практике дарения "подарков", которая, по сути, может являться как раз проявлением коррупции.

Несмотря на возмущение общественности каким-нибудь коррупционным скандалом, впоследствии, когда проводились расследования, вину многих политиков удалось оправдать ввиду отсутствия состава преступления: в показаниях взятки олигархов политикам воспринимались скорее как индивидуальные подарки или частью "нормального политического процесса", поэтому прокуроры, ссылаясь на расплывчатость в законах, находились в замешательстве, а общественность быстро успокаивалась и больше не поднимала этот вопрос [8, p. 138]. Действительно, даже сегодня в японском законодательстве сохраняется то обстоятельство, что юридически коррупция рассматривается как преступление, которое включает все возможные формы коррупции (например, непотизм, клиентизм, взятничество и др.) без их дифференциации. Более того, прокуроры могли сами участвовать в коррупционных сделках до тех пор (в том числе и прикрывали их отказом возбуждать уголовное дело), пока об этом не узнавала общественность [8, p. 139]. Подобные механизмы воспроизводства политической коррупции наблюдаются и сегодня на примере

того, как быстро угасают коррупционные скандалы из информационного поля, создаваемого японскими СМИ.

Ритуализация политической коррупции

Строго говоря, любые политические скандалы в Японии, в том числе и коррупционные, носят ритуальный характер. Такой точки зрения придерживается Пруса И., который предлагает с позиции неофункционализма воспринимать социальные практики в японском обществе как ритуалы и, следовательно, японское общество – сильно ритуализированым [11, р. 261–267]. Иначе говоря, ритуалы носят важную функцию контроля общественных процессов и являются неотъемлемой частью жизни общества, поэтому коррупционные скандалы в каком-то смысле можно считать одним из таких "ритуалов", служащих тем же сдерживающим механизмом общества, что и, например, строгая японская корпоративная этика, известная жесткими иерархическими установками и социальными обязательствами. В силу влияния синкретичности конфуцианства и синтоизма подобные ритуалы складываются на основе сочетания "праксиса" (*修行 сюгё*), то есть неоднократного повторения подобных "ритуалов", и "чувств" (*気持ち кимоти*), то есть эмоциональной привязанности к "ритуалу". Сочетание данных компонентов дает эстетизацию "ритуала", превращая его не только в псевдорелигиозный механизм регулирования общества, но и сакральное событие, сравнимое с драмой. Теория о ритуализации японской общественной жизни сильно коррелирует с понятием "гражданской религии" Руссо Ж.-Ж., но если Белла Р. универсалистки критикует его за излишнюю сакральность и призывает к реконструкции данного понятия до морального единства [4], то Пруса И. настаивает именно на некой псевдорелигиозной составляющей данного термина, аргументируя это сильным влиянием синкретичности конфуцианства и синтоизма на японскую политическую культуру [11, р. 266]. Действительно, с точки зрения этнопсихологии коллективистское японское общество напоминает "общину", принадлежность к которой имеет важное значение хотя бы потому, что японцу скорее будет важнее "не потерять лицо", и это стремление отражается на строгих правилах вхождения в общество (например, та же японская корпоративная этика). Потеря лица в результате нарушения некоторых из этих обязательств оказывает негативное влияние на социальную группу (иначе говоря, "общину"), к которой принадлежит японец, но этот дефект может быть устранен с помощью "ритуала" очищения – практикой публичного раскаяния.

Японская практика публичного раскаяния носит специфический театральный оттенок. Во время дачи показаний или судебных разбирательств признание преступником вины является необходимым условием для запуска так называемой практики "восстановительного правосудия" (*修復定期正義 сю:фукутеки сэйги*), при котором реабилитация преступника в общество осуществляется посредством коррекции поведения вместо наказания (например, тюремного заключения). Это, вероятно, объясняет, почему за коррупционные преступления японские чиновники или политики исторически (за редким исключением в эпоху Эдо, например) не получали серьезных сроков или штрафов и продолжали заниматься своей карьерой без ущерба репутации. Подобная практика реабилитации коррумпированных чиновников на прежние посты коррелирует с древним синтоистским понятием *мисоги* (*禊*) – ритуальное очищение под струями водопада или в водоеме, которому подвергались те, кто хотел очиститься от "грязи" и вернуться к духовному единению с природой и ее обитателями (иными словами, к "общине" или к японскому обществу). Таким образом, идея реабилитации в японском понимании справедливости с сочетанием синтета синтоизма и конфуцианства подчеркивает драматический оттенок коррупционных скандалов как особого ритуала.

Публичные выражения чувств не приветствуются в японском обществе, но многие, например, пресс-конференции, на которых политики приносят извинения за свое поведение, выглядят достаточно зрелищными в том смысле, что те слова, которые провинившиеся политики говорят, и то, как они говорят, чуть ли не навзрыд и кланяются, являются сакральным событием. Возможно, поэтому коррупционные скандалы в Японии так притягивают внимание общества и в то же время быстро теряют у него интерес: с одной стороны, "ритуалы" коррупционных скандалов – это в каком-то смысле театральное пред-

ставление, которое выступает неотъемлемой частью политической культуры Японии; с другой – "ритуалы" выступают мощным механизмом регуляции общественной жизни, поскольку человек извиняется не столько за преступление, сколько за неприятности, который он доставил обществу. Именно поэтому исповедь японских чиновников и политиков легко может стать их блефом для дальнейшего совершения коррупционных преступлений. Несмотря на кажущийся пессимистичный расклад положения, возможно, это и есть некий общественный договор: иначе, почему эти же политики до сих пор у власти? Скорее всего, это объясняет полувековое доминирование партии ЛДП в современной Японии с 1955 г.

Роль "железного треугольника" в установлении политической коррупции послевоенной эпохи

В основе современной послевоенной японской политической системы (1945–1952 гг.) лежит так называемый "железный треугольник" – термин, применимый в основном в отношении американской политической системы, но японоведы тоже им оперируют – это способ взаимоотношений политиков, чиновников и бизнес-кругов на основе пересечения общих интересов, один из которых – деньги [3, с. 31]. Строго говоря, принцип взаимоотношений в рамках "железного треугольника" состоит в том, что для увеличения электората, например, во время предвыборных кампаний, политики заручаются финансовой поддержкой у бизнес-кругов, а последние, в свою очередь, в обмен на финансирование лоббируют свои интересы в правительстве. Причем это может происходить и в форме предоставления государственных подрядов, и небольших бюрократических послаблений. Похожая ситуация наблюдалась в эпоху Эдо, Мэйдзи, Тайсё и другие, когда политики и чиновники в силу своей бедности обращались к олигархам за помощью. Таким образом, можно сделать предположение о том, что "железный треугольник" в японской политической культуре – исторически характерное явление.

При этом научные работы о том, что в предыдущих периодах истории Японии этот "треугольник" был характерной особенностью, и в которых бы этот термин фигурировал, отсутствуют. Кроме того, встает вопрос о том, насколько продолжительна эта черта политической культуры Японии: либо "железный треугольник" существовал на протяжении всей истории страны с момента формирования первого правого государства (538–710 гг.), либо же он когда-то разрывался, либо возник в более поздние периоды истории? В связи с возникшей совокупностью вопросов, необходимо ученым в будущем подробнее изучить проблему "железного треугольника" в японской политической культуре как ее традиционной черты.

"Железный треугольник" создает парадоксальную ситуацию, при которой в Японии – в стране с низким индексом коррупции – сохраняется коррупция. Этот факт можно объяснить послевоенной политической системой, которая позволяет партии ЛДП доминировать в правительстве и по сей день как раз в той или иной степени благодаря "железному треугольнику". Это является риском возникновения абсентеизма в стране, поскольку большинство кандидатов в верхнюю палату парламента представляют интересы ЛДП в силу пересечения их политических программ, а борьба ведется по существу между фракциями правящей партии [3, с. 169]. Отсюда следует, что победит тот кандидат, у которого будет больше денег на разворачивание масштабной предвыборной кампании и подкуп избирателей. Сама ЛДП не имеет стабильного источника дохода, поэтому еще 1948 г. в момент формирования современной политической системы был издан Закон о регулировании политических фондов, который, вероятно, служит правовым предлогом возникновения "железного треугольника".

Роль "клуба репортеров" в поддержании политической коррупции в послевоенной Японии

Ещё одним фактором сохранения политической коррупции в Японии сегодня – это контроль ЛДП над СМИ. Японская мейнстримная медиасфера состоит из 5 крупнейших и наиболее влиятельных национальных газет ("Йомиури", "Асахи", "Майнити", "Никкей" и "Санкей"), одной общественной телекомпания (NHK), 5 основных коммерческих телевизионных станций и более

100 еженедельных журналов. С точки зрения медиаполитических отношений особенно значимыми являются тесные связи между ЛДП и крупнейшей газетой Йомиури, которая ежедневно пропагандирует консервативное мировоззрение с опорой на ЛДП. Аналогичную политическую позицию занимает некоммерческое общественное телевидение NHK, которое обеспечивает сбалансированное освещение, но не предлагает мнения или анализ ситуации, поскольку японское правительство иногда оказывает давление на NHK с целью изменения программ, которые являются направленными против ЛДП, но преподносятся как политически предвзятые. Поэтому в основном японские СМИ тяготеют к своей роли молчаливого партнера власти, традиционно выбирая для репортерских сюжетов только безопасные вопросы, которые поддерживают цели истеблишмента, отвлекая внимание от более глубоких структурных проблем. ЛДП осуществляет контроль за счет официальной цензуры и ограничения информационного потока, что приводит к единообразному и стандартизированному освещению новостей. Если возникает скандал с властью, основные средства массовой информации либо вынуждены его поднимать, либо замалчивать, чтобы сохранить свой имидж квазибеспристрастности и удержать общественное доверие. Данные особенности дают основания полагать, что японские СМИ не освещают, а скорее маскируют коррупционные скандалы.

Следует также учесть, что, с одной стороны, СМИ избегают громких журналистских расследований, поскольку им нужно обратиться к широкой группе консервативных читателей и рекламодателей. С другой – вероятность освещения определенного скандала зависит во многом от устоявшейся со второй половины XX в. структурой взаимоотношений между СМИ и официальным источником информации – государством. Подобная структура взаимоотношений воплощена в системе так называемой "клуб репортеров" (記者クラブ *кисья курабу*), которая предлагает доступ к официальной информации по статистке, сводке чрезвычайных ситуаций и иных докладов правительства только ограниченному числу информационных изданий и налагает санкции в случае нарушения внутрigrупповых норм. Данное обстоятельство порождает в рамках клуба условия возникновения сговора репортеров с близкими к истеблишменту источниками. Тем не менее информация о коррупционных действиях государственных лиц просачивается через независимые СМИ ("The Japan Times"), не входящие в "клуб", но имеющие своих информаторов в нем, а также желтую прессу, которая зачастую подвергается критике со стороны истеблишмента за вторжение в частную жизнь политиков и чиновников.

Роль японской общественности в сохранении статуса-кво

Может сложиться впечатление, что японский электорат – довольно апатичен и легко поддается влиянию. Действительно, японское общество крайне флегматично относится к политической коррупции в стране, что во многом обусловлено следующим. Политики тратят много денег и времени на организацию мероприятий (в том числе и на встречу с будущими избирателями), раздачу различных подарков населению и региональным влиятельным кругам, что дает основания заявлять не столько о наличии в японской политической культуре "ритуала" подкупа избирателей, сколько "ритуала" дарения подарков, сравнимого со средневековыми патронат-клиентскими отношениями. Однако стоит отметить, что японская общественность скорее менее терпима к коррупции среди чиновников, чем среди ярких политиков. Подобная тенденциозность исходит из традиционных представлений о приятном имидже чиновников до 1945 г. как представителей императорской власти. Данные же представления переживали и в послевоенную эпоху (1945–1952 гг.) [8, p. 137]. Напротив, политик воспринимается как наследник самурайского прошлого, поскольку самурай, по представлениям японского общества, стоял с точки зрения морали выше законов и обладал чувством долга перед своим сюзереном, а в контексте разговора о коррупции – покровителем. Причем небезосновательно – многие политики в эпоху Эдо (1603–1868 гг.), Мэйдзи, Тайсэ и особенно в эпоху японского милитаризма (1920–1945 гг.) действительно имели самурайское прошлое и апеллировали к нему, и, скорее всего, подобное представление о ярком политике сохранилось и сегодня. Опровергнуть или подтвердить выводы о японском электорате, в частности нарратив о "самурайском

прошлом" политика, не удастся в силу неразработанности данного вопроса. Но не стоит исключать вероятности того, что "самурайский нарратив" может быть искусственно выдуман и педалирован олигархами через подкупных политиков для оправдания коррупционных преступлений.

Однако в 1990-е гг. произошли события, которые не могли состояться без давления общественного мнения. К началу 90-х г. в Японии произошла серия крупных коррупционных скандалов, в которые были вовлечены не только политическая элита, но и госслужащие, что вызвало у японской общественности сильное возмущение. Например, так называемый "рекрутский" скандал в 1989 г., когда были задержаны за получение взятки глава департамента по делам трудоустройства министерства труда, заместитель министра труда и заместитель министра образования Японии, закончился отставкой 15 человек, а в 1993 г. из-за скандала вокруг одного концерна были задержаны министр национального благосостояния и несколько губернаторов. В течение последующих пяти лет велись судебные разбирательства по обвинениям против Министерства финансов, народного благосостояния, транспорта и коммуникаций. Самым крупным и шокирующим делом считается скандал 1998 г., когда были наказаны за злоупотребление властью 32 чиновника, были отправлены в отставку 5 чиновников, оштрафованы 80, а один из подозреваемых даже покончил с собой. Кроме того, коррупционные скандалы продемонстрировали необходимость перемен еще и потому, что политическая коррупция больше всего ударила по министерству финансов, которое контролирует налоги, бюджеты и финансы и даже задела оборону страны и дипломатию (скандал с торговлей оружием 1998 г. привел к отставке 4 человек и назначению штрафов 42 лицам).

Причина коррупционных преступлений в 1990-х гг. лежала все еще в том обстоятельстве, что законы были расплывчатыми в своем толковании и не всегда подразумевали санкции за нарушения. Более того в силу того, что в рамках японской политической культуры если политик попадал в скандал, то он устраивал театральное покаяние, фигуранты самых громких скандалов той эпохи вернулись на прежние посты. Существующий порядок вещей долгое время устраивал ЛДП, но оппозиция была слишком слаба. Кроме того, очевидно, оппозиция сама приняла подобные правила игры. ЛДП яростно выступала против реформ, сокращая инакомыслящих в партии. Только поражение на выборах 1993 г. побудило партию пересмотреть свою стратегию поведения.

Внутрипартийный кризис и отстранение ЛДП от власти привели к формированию нескольких коалиционных правительств и дали долгожданный импульс реформам. В 1993–1994 гг. в Закон о политических фондах были внесены поправки, ограничивающие общее финансирование частных лиц компаниями, что предвещало усиление борьбы с политической коррупцией. В 1994 г. была изменена избирательная система в целях решения проблемы конкуренции между членами партии: отныне средние округа были упразднены и заменены небольшими общинами с одной возможной партией. Кроме того, в целях совершенствования урегулирования деятельности политических фондов в 1994 г. был разработан Закон о государственной поддержке политических партий, который установил бюджетное финансирование для партий, имеющих более 5 депутатов в парламенте или 2% на выборах. Еще одним шагом по снижению затрат на выборы является ограничение избирательной кампании 12 днями. В 1998 г. был также введен запрет на финансирование отдельных политиков коммерческими компаниями, что ослабило наиболее значительные лоббистские формирования в парламенте.

На этом совершенствования не закончились. В 2000 г. был принят Закон об этике государственной службы, который предполагал ограничения на получение подарков и услуг госслужащим со стороны предпринимателей. В том же году был обеспечен контроль за соблюдением новых антикоррупционных законов благодаря формированию комитета по этическим расследованиям в рамках департаментов Совета по делам персонала, в обязанность которого входит проведение расследований и назначение штрафов. Кроме того, в целях борьбы с предоставлением политиками услуг бизнес-кругам в 2001 г. был принят Закон о наказании за посреднические услуги, запрещающий деятельность депутатов и даже секретарей в пользу частных лиц и компаний. Запрет также коснулся представителей префектурных и муниципальных властей,

который предусматривал до 3 лет лишения свободы за помощь в получении аренды, контракта, купли-продажи.

Однако законы даже к концу 2010-х гг. не возымели должного эффекта [5, p. 162–164], данный неутешительный вывод будет понятен на следующем примере. В 2007 г. в целях пресечения практики *амакудари* (天下り букв. сходжение с небес на землю) – назначения отставленного в силу возраста высокопоставленного чиновника в бизнес-структуру (что, к слову, обеспечивало доступ олигархов к связям из верхней и нижней палаты японского парламента) – была принята поправка к Закону о государственной службе, ограничивающая данную практику. Отныне в течение пяти лет запрещается занимать должность, связанную с прямой выгодой от работы должностного лица. Однако на практике в последующие годы чиновники придумали, как обойти закон: сначала они работают на одну компанию или государственную должность в течение двух лет, и затем очень незаметно переходят на другую должность в бизнес-структуре, и таким образом практика *амакудари* сохраняется. Безусловно, антикоррупционные законы 1990-2000-х гг. имеют важное значение в борьбе с политической коррупцией, в это время активно делались попытки подавить её очаги. Но само явление коррупции, видимо, настолько древнее и традиционное, что японские политики и чиновники нового времени находят обходные пути совершения коррупционных действий, словно практика "подарков" в эпоху Хэйан.

К проблеме определения термина "коррупция" с учетом японских реалий

С 1990-х гг. на фоне непрекращающейся чреды обнародованных коррупционных скандалов в японоведческой социологии стала набирать популярность теория о "структурной коррупции" (構造汚職 ко:дзо: осёку) – теория политической коррупции в Японии (сформулированная Муробоси Тэцуро 室伏哲郎 (1930-2009)) [14, p. 27], которая подразумевает следующее: высокая вовлеченность в коррупционные действия высокопоставленных политиков на протяжении всей истории Японии (с момента фиксирования первых антикоррупционных законов) позволяет воспринимать японские политические институты как изначально коррумпируемые и никак не поддающиеся фундаментальным изменениям. Однако назвать "структурную коррупцию" исключительно японским явлением сложно, поскольку данные положения теории коррелируют с более общими представлениями о политической коррупции, встречающейся и в других странах. Например, Рейсмен В.М. исследовал политическую коррупцию на примере США через социокультурное восприятие проблематики и обнаружил, что со временем регулярные практики коррупции институализируют прочную систему отношений в обществе и потому не могут являться частным проявлением власти или аморального поведения.

Подобная система может сложиться там, где совпадают интересы акторов коррупции, коими выступают не только общество, но и политики. По Рейсмену, антикоррупционные законы служат неким мифом, который можно воспринимать как важную составляющую диалектической картины феномена коррупции в целом. Несмотря на законы, коррупция все равно процветает. Борьба мифа, что коррупционное регулирование поможет искоренить явление теневых коррупционных сделок, и мифа, что эти же теневые сделки – явление неискоренимое, и нужно смириться, что таковы условия политической жизни. Такая дихотомия в целом может считаться вполне естественным и неотъемлемым процессом в общественной жизни, а не какой-то неотложной и серьезной проблемой, требующей полного действенного решения [2, с. 5–9]. Несмотря на подобное совпадение взглядов японских и американских ученых, попытка Муробоси Тэцуро оформить явление политической коррупции в Японии с точки зрения социокультурного аспекта проблематики заслуживает внимания, поскольку его теория сфокусирована преимущественно на японских реалиях.

Важным представляется также формулировка универсального термина "политической коррупции", который мог бы быть применим и в описании многовековой ситуации в Японии и, следовательно, решить данную проблему в стране. Как резюмирует Спарлинг Р.А. в своей монографии "Политическая коррупция: Обратная сторона гражданской морали", вопрос коррупции – это вопрос идеального политического режима, но ответить на последний мешает противоречие телеологических предпосылок, возникающих при формулирова-

нии партикулярных и универсальных ценностей, и, таким образом, неспособность артикулировать понимание человеческого блага [13, p. 215, 217]. Во многом ученый исходит из понимания "политической коррупции" как проблемы морали и видит трудность ее разрешения в продолжительном доминировании в политической философии универсалистских подходов к этическим вопросам (например, Канта И.), вследствие чего влияние этого доминирования делает бесполезной любую попытку нащупать общее понимание "политической коррупции", пока политическая философия не сможет окончательно дифференцировать универсальные и партикулярные нормы морали. Изложенные соображения Спарлинга нелегко отвергнуть, поскольку, действительно, не совсем ясно в контексте Японии, что есть патронат-клиентские отношения между сюзереном и самураем, но что есть непотизм, взяточничество и другие формы коррупционных преступлений; иначе говоря, что можно назвать частными, но что общими ценностями?

Учитывая японскую многовековую традицию адаптации последних зарубежных достижений в различных областях, характерная черта которой – существенное видоизменение этих новшеств, можно предположить, что представления о коррупции в Японии, которые и без того обладают неоднозначным статусом, имеют весьма специфический оттенок, что отличает эти же представления от того, что было ранее апроприировано: будь то адаптация в древности (538-710 гг.) китайской системы правосудия на основе конфуцианства или строительство в послевоенную эпоху (1945-1952 гг.) современного политического устройства Японии по примеру американской [1, с. 4–6]. Кроме того, неспособность японского языка точнее артикулировать сложные абстрактные понятия зарубежной политической философии в силу примордиальной (в каком-то смысле) ориентации языка на выражение эмоций влияет на искажение восприятия достижений этой философии и открывает широкое поле (местами иррациональных) интерпретаций японской адаптации политической философии извне [1, с. 11, 33–36], а значит, может создавать предлоги для возникновения политической коррупции в стране. Поэтому японский политик, задействованный в коррупционном скандале, будет чувствовать скорее стыд от того, что его поймали, нежели от того, что его терзает совесть.

Заключение

Политическая коррупция остается одним из противоречивых явлений в современной Японии. Многие выводы о данном феномене не являются завершенными в силу довольно субъективистских суждений различных авторов. Однако если учитывать их, то не стоит в этом отношении критиковать японскую ритуализированную политическую культуру потому, что, безусловно, сама мировая политическая философия, которую Япония на протяжении всей своей истории копировала, сталкивается с противоречиями. Таким образом, исходя из социокультурного аспекта проблематики, можно констатировать, что трудность вопроса о разграничении партикулярных и универсальных ценностей в японском обществе, а также проблема уязвимого положения категории "коррупция" в политических науках влияет не только на успех исследования, но и на разрешение самой проблемы политической коррупции в Японии.

Литература

1. Прасол, А.Ф. Лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Натали, 2008. 359 с.
2. Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: "крестовые походы" и реформы / В. М. Рейсмен; Пер. с англ. Беленького М. И.; [Под общ. ред. и со вступ. ст. Яковлева А. М.]. М.: Прогресс, 1988. 327 с.
3. Стрельцов Д.В. «Система 1955 года»: внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны. М.: Восточная литература, 2019. 240 с.
4. Bellah R.N. Civil Religion in America http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (дата обращения: 11.12.2022).
5. Carlson M.M, Reed. S.R. Political Corruption and Scandals in Japan. NY: Cornell University Press, 2018. 204 p.
6. Lapshakov G.S. Political Corruption in Japan: Specificity and Experience of Counteraction // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 62 (57). P. 169–171.

7. LDP execs and ministers must sever church ties, Kishida says // The Japan Times. 22.08.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/22/national/politics-diplomacy/ldp-code-of-conduct-unification-church> (дата обращения: 27.12.2022).
8. Mitchell, R.H. Political Bribery in Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. 224 p.
9. Nepotism claims are latest setback for embattled Kishida // The Japan Times. 08.10.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/10/08/national/politics-diplomacy/fumio-kishida-son-appointment-nepotism/> (дата обращения: 27.12.2022).
10. Prusa I. Japanese scandals and their production // Japan Forum. 2021. No. 1 (44). P. 1–19.
11. Prusa, I. Japanese scandals and their ritualization // Japan Forum. 2019. No. 2 (33). P. 261–277.
12. Rothacher A. The Japanese Power Elite. London: Palgrave Macmillan Limited, 1993. 330 p.
13. Sparling R.A. Political Corruption: The Underside of Civic Morality. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 272 p.
14. 室伏哲郎. 日本汚職全史–ミレニアム構造汚職 130 年史 (腐蝕 立国・日本–室伏哲郎コレクション). = Муробуси Тэцуро. Полная история «коррупции в Японии – 130 лет «структурной коррупции» в преддверии миллениума (Из сборника «Коррозия Японии как государства») // 東京都:世界書院 = Токио: Изд-во Сэкай сё:ин., 2000. 313 с.

References

1. Prasol A.F. Faces of the times. Mentality and tradition in modern interior. Moscow: Natali, 2008. 327 p. (In Russ.).
2. Reisman W.M. (ed.) Implicit lie: Bribery: "crusades" and reforms. Moscow: Progress, 1988. 327 p. (In Russ.).
3. Strelcov D.V. "The 1955 System": Japan's Foreign and Domestic Politics in the Cold War Era. Moscow: Vostochnaya literatura, 2019. 240 p. (In Russ.).
4. Bellah R.N. Civil Religion in America http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (accessed 11.12.2022).
5. Carlson M.M., Reed. S.R. Political Corruption and Scandals in Japan. NY: Cornell University Press, 2018. 204 p.
6. Lapshakov G.S. Political Corruption in Japan: Specificity and Experience of Counteraction // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 62 (57). P. 169–171.
7. LDP execs and ministers must sever church ties, Kishida says // The Japan Times. 22.08.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/22/national/politics-diplomacy/ldp-code-of-conduct-unification-church> (accessed 27.12.2022).
8. Mitchell, R.H. Political Bribery in Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996. 224 p.
9. Nepotism claims are latest setback for embattled Kishida // The Japan Times. 08.10.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/10/08/national/politics-diplomacy/fumio-kishida-son-appointment-nepotism/> (accessed 27.12.2022).
10. Prusa I. Japanese scandals and their production // Japan Forum. 2021. No.1 (44). P. 1–19.
11. Prusa, I. Japanese scandals and their ritualization // Japan Forum. 2019. No.2 (33). P. 261–277.
12. Rothacher A. The Japanese Power Elite. London: Palgrave Macmillan Limited, 1993. 330 p.
13. Sparling R.A. Political Corruption: The Underside of Civic Morality. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 272 p.
14. Muroboshi, T. The Complete History of Corruption in Japan – 130 Years of "Structural Corruption" in the begging of the Millennium (From "The Corrosion of Japan as a State" collection). Tokyo: Seikaishoin, 2000. 313 p. (In Jap.).

Информация об авторах

Елена Николаевна Давыборец, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: westlake@yandex.ru
 Артём Владимирович Шкотов, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: shkotov.av@students.dvfu.ru

Information about the authors

Elena N. Davyborets, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: westlake@yandex.ru
 Artyom V. Shkotov, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: shkotov.av@students.dvfu.ru